

общественному недовольству. Даже «октябрьские» заговорщики изъявили оппозицию. Мы присутствуем при начале нового политического подъема. И этот подъем будет также неудержим, как и предыдущий был недавнее появление движения нашего «общества». За это ручается то простое обстоятельство, что наш современный политический порядок представляет собой сильнейшее препятствие для развития производительных сил страны. Правительство, «чёрной сотни» может, — да и то съгромом попозам, — удовлетворять лишь дворянским интересам. Но в экономических отношениях дворянство есть надавший класс. Разрывы дворянского землевладения постоянно и быстро уменьшаются.

Революционное бывшество, овладевшее благородным российским сословием, само есть не боязь, как плод распускающего сознание своего экономического упадка. Однако, революционное бывшество — плохой союзник даже с точки зрения реакции. Понимая требования отчуждающего дворянства, правительство невольно загораживает дорогу укрепляющейся буржуазии и тем самым вызывает недовольство в ее среде. Чтобы удовлетворить буржуазию, правительству нужно было бы отказаться от политики, движимой дворянскими интересами, и сдаться ради уступок в дух умрёвшего либерализма. Но это совершенно не способно ни к чему. Его судьба неправильно связана с судьбою надавшего дворянства. Поэтому для него, как и для дворянства, не остается ничего, кроме гибели.

Конечно, но буржуазия находит смертельный удар этому правительству. Наша буржуазия никогда не побудит дальше боязь или мефедон — а скорее мефедон, нежели боязь — пособствует оппозиции. Вступив с правительством в решительный бой может только трудающаяся масса, гегемоном (руководителем) которой выступит создательный пролетариат. Но единоборство трудающейся массы с реакционными правителями будет косвенно облегчено оппозиционным настроением буржуазии. Говорю: косвенно — потому, что в данном случае важно не столько настроение предпринимателей в собственном смысле слова, — этого ядра капиталистического класса, — сколько того «общества», которое стоит между классом предпринимателей, с одной стороны, и классом рабочих — с другой и, не принимая прямого участия в процессе производства, все-таки имеет большое влияние на ход общественной жизни. Это «общество» теперь почти целиком поддаёт влиянию буржуазии. Несомнительно современного политического порядка потребности развивающегося капитализма созидают ся, — главное, — они дают им даже лучше, нежели самими предпринимателями. Это, может быть, странно, но это верно. И объясняется это, на первый взгляд странное явление тем, что, как «люди хлеба», господ предпринимателя не видят ничего, кроме практических нужд капиталистического дна, равнодушно предстающих политическую работу о будущем времени идеологами своего класса, приводящими к «обществу». Всё дает оппозиции правительству мыслих своих «общества» по необходимости опережает главных руководителей предпринимательского класса. Выйдя из этого наши «интеллигентные» идеологии буржуазии первым оказываются неизвестны им промышленно-финансовой частью*. Но дальнейший ход развития постоянно устрашает эти недоразумения, поскольку не мешающие буржуазии интеллигенты сохраняют свою буржуазную природу. И вот эта буржуазная интелигенция опять начинает проникаться политическим недовольством. И он расщепляется недовольство будет затруднять борьбу реакционного правительства с революционным движением в массах.

Выше я сказал, что вступить в решительный бой с правительством может только трудающаяся масса, руководимая создательным пролетариатом. Огромную часть этой массы составляет крестьянство. Оно принимало участие в общественных движениях 1905 и 1906 годов, однако в политическом отношении его участие было почти беспознан-

* Напомним, что впоследствии попытки г. Струве и К° склонились к московским капиталистам.

Группа „Освобождение Труда“.

Нынешней осенью исполнилось тридцать лет со дня выступления первой русской марксистской группы на арену общественной жизни страны. Мы считаем своим долгом посвятить этой группе настоящую статью.

И.

Над вопросом, откуда возмущаются силы для освобождения трудающейся массы из под гнета жесткой действительности, безуспешно бились первоначальные русские мысли в течение целых десятилетий: с 40-х по 80 годы. Наиболее замечательные представители этой мысли опустились иногда до того взаимного, что сменившими их, революционными, силы надо искать в экономической области. Но если Белинского, незадолго до смерти, озарил гениальность догадки, что и на нас, как на Западе, не обойдется дело без буржуазии (т. е. капитализма), то Герцен видеть — поскольку видеть — разрешение большого вопроса в обществе было нашего крестьянства. Взгляд Герцена впоследствии лежал на основе всех теоретических построений так называемых народников; им насквозь пронитана и программа «народов и Воли».

Программа эта была программой утопического социализма. Но утопистам никогда не была ясна связь между политикой и социализмом; они окончательно преобретали первую для второго. В таком виде: социализм или политика представлялись лишь в виде русской революционерии, той эпохи становления передовых жизненных задач. Практика весьма чувствительно поколебала теорию, но и консулты еще самой постановки вопроса. И к концу 70-х гг., между членами ова, по указанию Плеханова, споря лишь о том, продолжать ли революционные «бунтарские» попытки в народе, или, паки кураж рукой на народе, ограничить революционное дело единоборством — интеллигенты от правительства*.

Этот спор не ринув Воронежский съезд (79 г.), поэзия которого оно „З. и В.“ вскоре распалась на 2 других.

„Народная Воля“, отдававшая предпочтение второй позиции либерти, оказалась бесполезной настырь выхода из исторического тупика. Но и группа „Черный Передел“, пытающаяся преодолеть социалистов, и вернувшись на точку зрения народной сопротивляемости, воскликнула революционное народничество, потерпела полную неудачу. Заслуга этого она была иная: из нее быстро созрало ядро, которое уже осенью 83 г. образовало группу „Осв. Труда“*.

* Членами-основателями этой группы было 5 человек: кроме И. Б. Аксельрода, В. И. Засулич, Л. Г. Дениса и Г. В. Плеханова, еще Вас. Ник. Никитин. Последний скоро умер, заставив группу дешеви, приславшие ему на лечение, а лечить на 84 г. был арестован и надолго выбыть из строя.—Прим. для обычных читателей.

тельно. За исключительными исключениями, преступно сохранили та политическое взгляда, которые сложились еще в течение любезного смысла фразы: московского периода нашей истории. Этими объясняется то, что называют теперь неудачей нашей революции. Поставившая за это наудачу реакция, крайне мунитальная для крестьянства во многих отношениях, привнесла ему, по крайней мере, ту пользу, что сильно расширила его старые политические предрассудки, вследствие чего оно становится более способным, некогда раньше, к сознательному участию в освободительном движении.

Итак, положение дела в России опять постепенно приводит благоприятный оборот для революционеров. Весь вопрос в том, сумеют ли они его использовать.

II.

Разумительные политики, в роде г. Милкова, издавна упрекают революционеров в том, что они своим народным усердием и догматизмом мешают борьбе с реакцией. И надо сказать сразу: в годы подъема революционеров обнаружилось мало догматизма и нараузного усердия. А так как на войне ошибки одной из сторон часто винят на пользу другой противоположной, то нельзя не признать, что своим ошибкам революционеры оказывались часты, хотя и невольные, услуги своим врагам. Мэр политической злобы, достигнутой крайними партиями в годы реакции, явится их способность критически относиться к своим пренебрежениям. Лишь и никогда не склонены были замалчивать промахи своей партии. Но во сколько было односторонними. Благородными политиками, в роде г. Милкова, тоже не мешало подумать об ошибках, сделанных ими в годы реакции*. Весь и их политическая злоба будет изматывать теперь способность критически относиться к своей прежней тактике.

До сих пор благородные политики не любили отмечать свои заблуждения. Была даже наименее одомашненная из глахах левых партий, они как будто считали, что глаголить о совершенстве своих ошибок — это не так.

Въездной Государственной Думы 27 ноября прошлого года г. Родионов в речи по поводу выборов на выборах сказал, между прочим, следующее:

„Наша обязанность раскрыть глаза населению. Задорье — это один из актов борьбы, которая не сегодня началась, не сегодня кончится“*). Это ясно. Не сегодня кончится борьба с правительством. Но ее окончание, — т. е. решительный успех освободительного движения, — предполагает готовность населения вступить в открытую революционную борьбу с реакционной шайкой, держащей власть в своих руках.

„Оружие критики“ — прекрасная вещь. Но оно никогда не заменяет собой „критики посредством оружия“. А г. Радищев и слышать не хотят о критике последнего подела. Этими притягиваются к „оружию критики“. В самом деле, страны ли для правительства? Противники, которые, виноваты ему, наутро, устремляются к правительству, чтобы приблизить: „вперед, вперед“ на та, в то же время торопятся приблизить: „вперед, вперед“, чтобы никогда не добьтъ революционного боя? И не только горючими горят, но, надавлив на себя лицами глубочайшей политической мудрости, усердно читаю краинам картины поиска на ту тему, что самая мысль о революционном будущем рабочих есть политическая нелепость. легко понять, что то „оружие критики“, которым размножаются эти минимо политических мудрецов, никого не пугает, и та борьба, в которой одна из сторон пользуется ими только этим оружием, ими бы все шанса остаться неизвестной виной до второго пришествия. Да и это — только во втором случае, если бы реакционеры одержали на этом поединке кулачки, а на другом — проиграли старые устремления народной жизни. Стало быть, не через общины, а через кининиализм, создающий собственный своего могущества в лицах рабочего класса, может прийти она к социальному.

Да, народники не ошибались: только самодовольность масс является настоящей движущей силой революции; но масса эта и на нас, как на Западе, не крестьянство, а рабочие, ибо в то время, как прогресс капитализма разлагает крестьянство, выдвинулся на один из поисков кулачок, а на другом — проигрывает, тот самый прогресс наизвергает рабочий класс, организует его и толкает на борьбу против классово-активистов.

Революции, совершающие рабочий классом в своих собственных интересах, есть революции, освобождающие все общество. Поэтому же рабочий класс является для революций, а революции для рабочего класса, языком оружия его самосовладчества и золотой общественной эманципации*).

Было социальное-экономическое упреждение принимать в наше время политические формы. Поэтому и революционная социальная борьба, ведущаяся в интересах цыганского класса, т. е. направляющаяся против самой основы устремлений, есть борьба политическая. С другой стороны, политическая борьба, принимающая классовый характер, есть борьба социально-экономической.

Но: или — или, но: и — и. Проповедование социализма политиков не должно быть мыслью. Первое же издание группы „О. Т.“ (плехановская брошюра) так и было озаглавлено: „Социализм и политическая борьба“: это цель было устранить противопоставление этих двух сторон революционной деятельности, указать их синтез.

Вместе с этим устрашивалась, так сказать, за недобросовестность «народовольческой физиономии захвата власти социалистами-заговорщиками»: ведь она была предумышлена, чтобы перекинуться между политикой и социализмом. С расширением же революционного рула парадокс и значение терпера: «она прибрала к рукам, относительное значение пресмы», полезного или вредного, смотря по обстоятельствам.

Согласно новой постановке вопроса, главная задача социали-

стической борьбы, «борьба» очень скоро кончилась бы сама по себе, что это ей осталось бы одно смешное и никое воспоминание.

Мы разразят, напоминая: «Вы сами когда-то понимали, что нельзя звать население к вооруженному восстанию в такое время, когда оно к нему не готово». Я и теперь прекрасно понимаю это. Еще в годы моей юности, будучи народником, я никогда не разделял того бунтарского убеждения, что „народ всегда готов“ к вооруженному восстанию. Однако, вопрос о том, позволяло ли это восстание посредством доводом (ultima ratio) угнетенного народа. Другими словами: отвратил предвзятое восстание, как насилие сильной вреда освободительному движению, должны ли мы стараться своей деятельностью приблизить тот момент, когда восстание народа против своих угнетателей сделается совершениеим? Крайний партий утверждает, что да, так как великие политические и социальные вопросы решаются в последнюю счет только силой. А разумительные политики, в роде г. Милкова, думают, что есть, подвидом, держась того убеждения, что указанные вопросы с усилом могут быть решены либеральной, «спокойно».

Вспомним посвященное слово С. Муромцева в застадии Петербургской судебной палаты по ходу от выборов в Государственную Думу: «мы считали необходимым народное восстание, если не Петербург, то в селах и деревнях. Но ему и его единомышленникам такое восстание представлялось политическим нестыдством». Итак его обвинений выступает, что выборский манифест продиктован был желаниями избежать этого нестыдства. «Когда есть могучий горячий поток, — говорил он, — то чтобы спастися деревня, деревню на пути потока, бросаются струи потоки, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить — тот ищет другой средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам; от угрожающих им каналов. Члены Государственной Думы думали, что правительство отвечает именно такому акту возбуждения»*).

Что может быть умительнее? Члены Государственной Думы — падетского образа мыслей, — пошли в Выборг затмить, чтобы прорыть каналы, которые помогут им выйти из потока народного гнева? От выбора членов Государственной Думы, а также их единомышленников, такое восстание представлялось политическим нестыдством. Итак его обвинений выступает, что выборский манифест продиктован был желаниями избежать этого нестыдства. «Когда есть могучий горячий поток, — говорил он, — то чтобы спастися деревня, деревню на пути потока, бросаются струи потоки, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить — тот ищет другой средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам; от угрожающих им каналов. Члены Государственной Думы думали, что правительство отвечает именно такому акту возбуждения»*).

Замытые еще вчера что? В статье, написанной по поводу выборов в 2-ю Гос. Думу, Муромцев, характеризуя поведение наших борцов, говорил: они хотят сохранить свое властивое положение. Политическое положение страны, таким образом, никак не изменилось по сравнению с тем, что было перед началом освободительного периода. Это — все же мы завоевали перед лицом чужой им страны**). Что же у нас получается? С одной стороны — «засователи», разыгрывающие в то что бы то не стало отставать свою господствующую позицию; а с другой — прозябшие политики, говорящие от имени «засователей» и ни о каком случае не жалеющие, чтобы эти посвященные разрывали «зинину» засователей. Только что приведенные много строк из статьи С. Муромцева сопровождаются словами: «но изменился характер момента...». Эти слова заканчивают

* Сергей Муромцев. Статьи и речи, вып. V, Москва, 1910, стр. 119.

**Там же, стр. 98.

статью сидит к тому, чтобы, изучив теоретически ход общественного развития, облегчить и ускорить процесс самосознания и самоорганизации того класса, который выражает прогрессивную сторону этого развития.

Россия развивается параллельно Западной Европой. Но все же она на много отстала от западных стран. В большинстве из них капиталистическая форма производств и такая или иная, путем завоевания или компромисса, обеспечила себе политики. Переягит старого режима (аппель реигим) сохранился в большей или меньшей степени почти повсюду, но виноваты лишь везде именем не основное. У нас хватило обстоятельства, — да и теперь еще обстоятельства, — иначе.

Россия страдала, не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития*. Всё в ней разгорается хлопоты борьбы: всяческий новый капиталистический о-ва против религии и будущей социалистической рабочей революции против капиталистической эксплуатации.

Вместе с развитием у нас капитализма зародился и развитием среднего класса, который становится тяжестью гонимым для рода: тут есть французская революция, чья боязнь понимала, что находится между двумя отголосками: спаси и спаси.

Инцизионная борьба с царизмом выпадала на нас, таким образом, на долю рабочего класса. „Линия к счастью и росту этого класса“ группы „О. Т.“ (плехановская брошюра) есть, по сути дела, политическая борьба: «она виновата в своем упоминании. Потому что она называет постновое то самое, что сказать Плеханову и на Парижском Международном Съезде 89 г.: русская рабочая борьба оспоряет у французской рабочей революции.

Но, стремясь расширить рамки пролетарской революции, и улучшить ее руко, рабочий класс не могъ довольствоваться даже самой радикальной политической концепцией, не изменив самъ себѣ. Въ буржуазно-демократической революции, съажденной быть ею, должны быть добиваться специальныхъ гарантий, обеспечивающихъ для него возможность дальнейшей борьбы и борьбы организаций. Этимъ мысль, заключавшаяся уже въ первыхъ произведенияхъ группы, а именно, что пролетариатъ долженъ выйтъ изъ гегемонии («переходъ въ представителей»), руководителемъ ея же

Изъ съднинъ положенія, которое призвано быть занято на исторической сценѣ нашъ пролетариатъ, непосредственно вытекающа изъ постановки вопроса. Опытъ и практика, съвѣтъ и практика, оправдываютъ зачтитъ это т. Мартынову, съжившему налагаемъ на группу Тихомирова со взглядами съ-аго автора „Нашихъ разногласій“.

* Слова Маркса о Германии 40-хъ гг., примененные къ России программой группы „О. Т.“ 95 г.

**) См. программу гр. „Осв. Тр.“, выпущенную въ 1885 г.

статью, как бы заключил в себе ся главную мысль. Но въ чём же назывался „характер момента“, если у нас только и есть, что завоевателей, желающихъ сохранить свое положение, и желавшихъ лишить ихъ его? Въдь именно такъ было въ теченьи долгаго и долгаго времени передъ началомъ освободительного периода. „Характер момента“, въ самъмъ дѣлѣ, измѣнился уже къ началу нынѣшняго столѣтія. Но онъ измѣнился только въ томъ смыслѣ, что значительная часть завоеванныхъ сердечно захотѣла обратить что завоевателей, т. е. совершивъ тѣль волитивный актъ, помѣшать которому отсталыи ноктуби Муромцевъ своимъ выборными „каналами“. Стало быть, измѣненіе „характера момента“ разносило отрицаніе надеждъ такими самими, ходившими русскаго историческаго раздѣла. Говорите постѣ этого о политическомъ губернаторѣ благороднѣмъ панахѣиѣ надеждѣ образа мыслей!

III.

Политический подъемъ, который началась теперь, вызывая новыхъ надеждъ, даетъ, выѣхъ съ тѣмъ, торжественное предстороженіе противъ старыхъ ошибокъ. Но между старыми ошибками есть и не можетъ быть болѣе крупной, ижею та, которая заключается въ томъ убѣждѣніи, что Котъ Василь откажется отъ куренія подъ влияніемъ укоризненныхъ восклицаній. Пора побѣдѣть поганымъ друзьямъ народной свободы и стѣпѣтъ зарубить, что кто „завоевателей“ свергается только силой.

Различны между наклонами и крайними партіями заключается въ томъ, что первые отвергаютъ революціонный способъ дѣйствій, а вторыя признаютъ его. Но если это такъ, то лишь всѣхъ сорваго основанія упреки, посланные большевиками и социалистами-революціонерами по адресу меньшевиковъ и состоящію въ томъ, что меньшевики будто бы держатъ кадетскую тактику. До полнаго линкадеторскаго тактика меньшевиковъ, несомнѣнно, была революціонной. Все разногласіе между ними и большевиками (въ такомъ союзѣ-революціонеровъ) сводилось къ вопросу о томъ, можно ли полагать, что народъ уже готовъ къ восстанію. На стомилитарскомъ съѣзѣ 1900 г. гов. П. Орловскій говорилъ: „Планаѣтъ отрицаніе близкаго восстанія и доказывать необходимость организованной подготовки работы. Для насъ же восстаніе вопросъ мѣсяца“). Читатель понимаетъ, что, доказывая необходимость организованной подготовки работы въ интересахъ революціи, я былъ настолько болѣе далекъ отъ кадетскихъ позиций, именно такої работы и не желавшихъ. А, между тѣмъ, меня учили въ склонности къ кадетской тактике. Но кто старое помнитъ, тому газъ вонъ. И говорю обѣтъ не затѣять, чтобы сообщить, какъ иносказательные уроки приводились мною высказывать на свойствѣ, а затѣмъ, чтобы показать, какъ легко, въ сущности, было бы становиться большевикомъ съ меньшевиками, не поддавшись лайону линкадеторскаго панахѣиѣ разрывѣ. Но отношеніе къ вопросу о революціонной дѣятельности, мы принимаемъ одну и ту же алгебраическую формулу. Споры между нами начинаются только тогда, когда на мѣсто алгебраическихъ знаковъ приходится подставлять определенные ароматические величины. Но, ведь такіе споры, мы не должны забывать, что мы однажды стремимся къ условию того поэта, который хотѣлъ отнести своимъ канонамъ единомышленникамъ покойнаго Муромцева ²².

²² Проголосы, стр. 323.

*) Я прекрасно знаю, что, занимаясь практическимъ юломъ, неизвѣстоваться алгебраическими формулами: отъчеснѣе алгебраическихъ знаний непремѣнно должны быть замѣнены опредѣленными ароматическими величинами. Поставивъ ароматическіе величины на мѣсто алгебраическихъ знаковъ, мы, меньшевики-партицы, и теперь не разъ будемъ не согласны со многими бѣами, — особенно ленинскаго оттінка. Но, по-первыхъ, иное дѣло разногласіе, а иное дѣло разрывъ; во-вторыхъ, иное дѣло нѣйшихъ недоразумѣній между нами будетъ устроено, когда и нами и нами будутъ созданы, что мы сходимъ, — въ долинѣ склонности, — между собою въ признаніи самаго главнаго принципа соцдемократической тактики, который и находить свое выраженіе въ общей алгебраической формулѣ.

трудящихся слоевъ²³) въ российскомъ освободительномъ движении²⁴).

Роль гегеноя обозначила прозаистъ принять участіе во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, каковы бы они ни были (отъ мыса развязавши, между прочимъ, въ ряду нѣкоторыхъ другихъ брониро. О задачахъ социализма въ борьбѣ съ гоною въ Россіи²⁵), и придавать максимальный размахъ всякому революціонному и просто оппозиціонному движению, гдѣ бы оно ни зародилось.

Здѣсь возникаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ тактики. Въ виду различия между Россіей и культурными странами Запада въ достигнутыхъ степеняхъ экономического и политического развитія, русскіе с.-дѣм. не могли перенести къ себѣ цѣлыхъ способы дѣятельности и тактические приемы, привыкшие къ западно-европейскимъ товарищамъ. А если ужъ искать привыкновеніе на Западѣ, то нужно было обращаться не къ настѣнному, но къ прошлому, въ томъ времени, когда тамъ действовала еще Карль Марксъ.

Нашіи с.-дѣм. больше всего сдѣлывали попытку попасть въ кою изъ мѣстнаго „истиннаго“ социализма „Ю-хъ“ годовъ, существовавшаго, непремѣнно должны были прійти въ конфликтъ съ существующими порядками. Историческая необходимость должна была толкнуть ее на — въздушную или небесную — борьбу съ деспотизмомъ. Союзъ албераѣмъ, если только они искренне хотѣли бороться за политическую свободу, поддержать рабочихъ, группу „Освобожденіе Труда“ считалъ въ то же время, что рабочіе и, прежде всего, социалисты, въ качествѣ первоочередныхъ представителей пролетариата, обязаны поддерживать всѣ тѣ требованія инборазовъ, которые имѣли бы обще-демократичнѣй характеръ.

Но, поддерживая эти стремленія, — подчеркнулъ Плехановъ въ первыхъ же своихъ брошюрахъ, — социалисты обязаны побороться о томъ, чтобы албераѣмъ не подчинили своему вліянію рабочий классъ.

Лучшей гарантіей успѣшнаго рѣшенія всѣхъ этихъ противорѣчій задача бѣа бы, несомнѣнно, существование самостоятельной рабочей партіи.

²³ Съ объясненіемъ объ изданіи „Рабочей Библиотеки“ 81 г.

²⁴ Успѣшнѣе обращалось на это винаже г. г. „теоретиковъ“ линкадеторовъ и, въ частности, т. Мартынова, покушавшаго исклучить идею гегеноя пролетариата изъ революціи концепціи первыхъ русскихъ с.-демократовъ.

Рѣзъ усвоилъ себѣ это уѣждѣніе, не трудно будетъ усвоить себѣ еще и то, что у насъ есть никакихъ основаній для крушнаго союза изъ единомышленниковъ Муромцева. Поскольку эти люди не желаютъ усвоить себѣ революціонный способъ дѣятельности, постольку они не могутъ быть опасными для правительства. Но въ той же самой мѣрѣ эти люди бесполезны и для российской соцдемократіи. Они рѣшительно не способны сдѣлаться гегемонами нашего революціоннаго движѣнія, которое однѣ только и можетъ вырвать нашу страну изъ когтей „засоввателей“. Гегемонія революціоннаго свободительной борьбы предполагаетъ и можетъ правдивость, — что бы не говорили объ этомъ нѣкоторые кавказскіе товарищи, къ сожалѣнію привнесшіи въ зоху реакціи, — только партія сознательнаго пролетариата. Партия эта работаетъ надъ углублениемъ и расширениемъ революціоннаго потока. Ея работа приближаетъ время послѣднаго рѣшительнаго стоянкенія завоевателей съ завоеванными. Когда это революціонное время, настѣнъ, наступитъ, тогда ничего будетъ и толковать о либеральной оппозиціи. Но пока это время не настѣнъ, либеральная оппозиція будетъ находиться на политической скамье. А пока она находится на скамье, пѣть ничего преступнаго, съ революціонной точки зреянія, въ желаніи воспользоваться ее наивысшостью для создания лишніхъ затруднений выѣбшему правительству. Конечно, можно спорить о томъ, въ какой степени годится она для создания подобнѣй затруднений. Но я въ тутъ скажу: вѣдь такоѣ скоры, мы должны помнить, что мы есть, — за исключеніемъ линкадеторовъ, пока они остаются таковыми, — держимъ однѣ таѣти: таѣти революціонной по своей внутренней природѣ.

Когда я пишу эти строки, мнѣ улыбается та надежда, что со мною согласятся не только многое изъ большевиковъ, но также нѣкоторые изъ соцдемократ-революціонеровъ...

Движеніе, которое возобновляется теперь..., вызывая новыя надежды, даетъ, выѣхъ съ тѣмъ, торжественное предстороженіе противъ старыхъ ошибокъ и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ, пока еще разрозненныхъ силъ".

Г. Плехановъ.

Иннокентій.
(Іосифъ Федоровичъ Дубровинскій).

Рѣдкій выходъ нашей газеты не позволялъ намъ своевременно откликнуться на смерть товарища Иннокентія. И сами мы дѣлаемъ это сейчасъ, то не для того, чтобы изѣбѣть товарищъ о его трагической в западной смерти. Отъ этого уже изѣбѣто изъ легальной рабочей прессы. У насъ есть также намѣренія сообщать его биографію или дать очеркъ его партійной дѣятельности; для этого мы пока не имѣемъ необходимаго материала.

Въ продолженіи своей патнадѣтнѣйшій партийнѣй дѣятельности Иннокентій многоѣтъ и въ разное время состоялъ членомъ Центр. Комитета, работалъ какъ въ областныхъ организацияхъ (въ Поволжіи и въ центральномъ районѣ), такъ и въ мѣстныхъ (главнымъ образомъ въ Москве); онъ привлекъ видное участіе въ качествѣ организатора, оратора и агитатора въ москівскихъ сбѣзахъ 1905 года; участвовалъ въ Кронштадтскомъ восстании и въ петербургскомъ выступлѣніи Октября. Онъ былъ членомъ редакціи и одновременно фактически единственнымъ редакторомъ большевистскаго „Пролетаря“. Онъ выѣѣть первымъ и, хотя, благодаря своей таѣти практической работы, не могъ систематически заняться литературной дѣятельностью, однако не разъ пытался стать въ легальныхъ партійныхъ изданіяхъ, а также въ легальныхъ партійныхъ газетахъ и сбѣзахъ 1905-1907 гг.

Онъ вѣзъ такую обширную дѣятельность въ одной статьѣ

Тутъ выросло новое, живущее рождение, противорѣчие: „Соединеніе рабочихъ партій на западно-европейской“ манѣрѣ предполагаетъ изъверженіе ассоціаціоніи, а извергнуть съ себѣ организованной поддержки народу и, прежде всего, пролетариату не возможно. Тайнія рабочихъ организаций разрѣшаютъ это противорѣчіе, прилагая къ политической борьбѣ наиболѣе развитыя силы народа“. Поэтому, призываю революціонную молодежь обратить свое главное внимание, въ связи съ очеркомъ политической борьбы противъ самодержавія, на подготовку и организацию будущей рабочей партіи, первая наша с.-дѣм. группа приглашаетъ ее немедленно же приступить къ созданію майки рабочихъ общеизѣсію и къ объединенію ихъ въ партію подпольную.

IV.

Группа „Освобожденіе Труда“ выступила въ той періодъ, когда старое движение еще не пришло къ концу, хотя уже очень быстро падало. Какъ этого и надо было ожидать, проповѣдъ научнаго, объективнаго соціализма долго не встрѣчалъ симпатій среди интеллигентіи, большей частью проникнутой народническими предрасудками и настроенной субъективно. Зато она шла настѣрѣчно нарождающемуся рабочему движению. Но говоря уже о многочисленнѣхъ, не привыкавшихъ со сердцемъ прошага пролетариатѣ, нельзя не упомянуть объ „Южно-Русскомъ Рабочемъ Союзѣ“, организованномъ въ 1875 г. и о „Сѣверномъ Союзе Южнорусскихъ Рабочихъ“ 78—79 гг. Не откладываясь отъ соціализма, рабочие категорически выставили въ своей программѣ требованіе политической свободы. Они понимали, что при позиціи съ отсутствіемъ мы не можемъ добиться и серьезныхъ экономическихъ завоеваній. Представляемъ петербургскаго Союза изъ этихъ взаимодѣйствующихъ, считавшихъ тогда прессы, пріютались даже изъ кружковъ, въ которыхъ вѣдь писались эти кружковы пропаганды въ живой, подвижной рабочей средѣ, гдѣ оно въ чрезвѣдѣ града было сочувственно, некемъ въ деревнѣ. Понятно, что какъ разъ Плехановъ, ставший у насъ первымъ теоретикомъ пролетарскаго соціализма, былъ однимъ изъ первичнѣйшихъ участниковъ рабочихъ кружковъ. Почти всду, гдѣ онъ служилъ бывшій въ Саратовѣ, въ Ростовѣ, въ Кіевѣ, въ Харьковѣ, Петербургѣ — онъ попадалъ въ эти кружки. За границы уже только подчинился итогу тому, — поимѣнѣвалъ онъ позже, — что было сказано и упомянуто въ Россіи“.

Послѣ разгрома 86—87 гг. въ Россіи на исколько лѣтъ возвращается полное затишье. А затѣмъ приходитъ въ 90-хъ годы, когда становятся все очевиднѣе подготовка и торжество марксизма — даже въ интеллигентской средѣ. Наступаетъ прекраснѣйшій Плехановъ въ 83 году періодъ соцдемократической.

Со второй половины 90-хъ годовъ русскій марксизмъ, который рано или поздно долженъ былъ дать передъ широкой публикой свое подробное философско-историческое обоснованіе, выходитъ на легальную арену. Но тутъ-то книги: Бельтова („Къ вопросу о развитіи народничества въ трудахъ В. В.“), журналы: „Новое Слово“ и „Начало“ — не впразднѣ на цензуру — обнаруживаютъ со всѣмъ убѣдительностью, насколько за истекшій періодъ наша подиозная мысль далеко спереди надѣланную.

Подобною же теоретической кампаниѣ противъ субъективистовъ и эпигоновъ народничества сильно способствовала уѣхѣ марксистовъ среди молодежи. Но это уѣхѣ, въ позитивномъ смыслѣ, былъ довольно поверхностнѣй. Очень многие въ классовой борьбѣ, пропагандируемой группой „О. Т.“ и съ единомышленниками, находились въ это время позитивно и molto полноценнѣ и радостно еї приветствовали. Подъ флагомъ марксизма уѣхѣ имѣли, совсѣмъ не пролетарскіи тенденции. Такъ называемыи легальній марксизмъ въ рукахъ г. П. Струве, М. Туган-Барановскаго и

нѣтъ, конечно, возможности. Это сдѣлаютъ тѣ сборники, посвященные его памяти, которые предполагаются къ изданію, да и история Партии не пройдетъ мимо имени Иннокентія и его дѣятельности.

Передъ вами стоитъ совсѣмъ другая задача. Мы хотимъ почтить память товарища Иннокентія какъ „одного изъ нашихъ“ и хотимъ откликнуться въ его дѣятельности тѣ стороны, которыхъ можемъ отыскать только мы, большевиковъ-партийцы.

Говоря, что Иннокентій былъ однимъ изъ памятъ, мы должны сдѣлать откликъ. Мы не хотимъ сказать, что онъ примѣнялъ къ группѣ большевиковъ-партийцевъ. Группа эта образовалась тогда, когда онъ былъ уже въ дальнѣй Сибири. Быть онъ согласилъ или нетъ съ тѣмъ киноконцертными путями до достижени партийнаго единства, которымъ замѣтила ваша группа — мы не знаемъ. Но что вѣдь известно и что мы обязаны довѣсти до сѣдѣнія всѣхъ товарищівъ, это то, что тов. Иннокентій видѣлъ въ габельмановъ послѣдствія расправы для нашей партіи и ее дѣятельности и быть однимъ изъ первыхъ большевиковъ, восставшими противъ французскаго полнѣнія руководящихъ большевистскихъ учреждений и разорвавшими съ ними.

Несколько разъ оказались тѣ или другіе небольшіе разногласія въ выборѣ конкретныхъ путей для достижени единства, они не имѣли бы значенія въ виду поставленной нами и Иннокентіемъ одной общей цѣли: добиться единства партіи въ борьбѣ съ фракціями. Вотъ почему мы считаемъ его однимъ изъ нашихъ.

Онъ всегда ставилъ интересы партіи выше интересовъ кружковъ. Онъ былъ до такой степени преданъ партійному единству, что не вѣнчалъ, не могъ. И свою партійнѣй дѣятельность онъ не только кончилъ, но и началъ борьбу противъ кружковъ.

Въ партіи онъ сталъ работать еще до первого сѣзда, по всѣмъ посвѣтилъ себѣ партійной работѣ только посѣдѣвъ этого сѣзда. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ раскода, который разрѣшился въ партіи въ то время и въ качествѣ „примиренца“ въ теченьи почти двухъ лѣтъ вѣдь съ пимъ саму рѣшительную борьбу. Онъ былъ координированъ въ Центр. Комитетъ, стоявшимъ на „примиреческой“ позиціи, и если тогда

говѣю и нѣкоторымъ другимъ удастъ спознать въ Петербургѣ группу, по взаимодѣйствію исколько близкую къ с.-дѣм. Въ начальствующемъ года она издала исколько номеровъ газеты „Рабочій“, гдѣ былъ помѣщенъ письмо Плеханова и статья Аксельродъ. Группа эта, какъ видится, скоро была разгромлена.

Несмотря на отрицательное отношение къ марксизму общей массы „молодой“ интеллигентіи, онъ начинаетъ понемногу завоевывать себѣ сторонниковъ, кое-гдѣ (напр., въ Петербургѣ) даже среди народовѣдцевъ. Въ течение 90-хъ годовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи спорадически возникаютъ кружки людей, склоняющихся къ марксистскому образу мыслей. Всемъ-самому это переносится и по ту сторону Бархолова. Вокругъ группы „О. Т.“ образуется исколько заграничныхъ группъ. Они объединяются въ „Русск. Соц.-Дем. Союзѣ“. Союзъ этотъ и посыпаетъ дѣлами на Парижскій Медицінскій Сѣзидѣ. Расширяется также позитивистская энтузиазмъ написать марксистовъ. Кромѣ первоначальныхъ и оригинальныхъ книжекъ Библіотеки Современнаго Соціализма и Рабочихъ Библіотекъ, они въ 88 г. вѣзуютъ сборникъ „Соцдемократъ“, а затѣмъ приступаютъ къ изданію большого трехтомнаго обзорнаго (фактически обратившагося въ енциклопедію) подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Постѣ разгрома 86—87 гг. въ Россіи на исколько лѣтъ возвращается полное затишье. А затѣмъ приходитъ въ 90-хъ годы, когда становятся все очевиднѣе подготовка и торжество марксизма — даже въ интеллигентской средѣ. Наступаетъ прекраснѣйшій Плехановъ въ 83 году періодъ соцдемократической.

Со второй половины 90-хъ годовъ русскій марксизмъ, который рано или поздно долженъ былъ дать передъ широкой публикой свое подробное философско-историческое обоснованіе, выходитъ на легальную арену. Но тутъ-то книги: Бельтова („Къ вопросу о развитіи народничества въ трудахъ В. В.“), журналы: „Новое Слово“ и „Начало“ — не впразднѣ на цензуру — обнаруживаютъ со всѣмъ убѣдительностью, насколько за истекшій періодъ наша подиозная мысль далеко спереди надѣланную.

Подобною же теоретической кампаниѣ противъ субъективистовъ и эпигоновъ народничества сильно способствовала уѣхѣ марксистовъ среди молодежи. Но это уѣхѣ, въ позитивномъ смыслѣ, былъ довольно поверхностнѣй. Очень многие въ классовой борьбѣ, пропагандируемой группой „О. Т.“ и съ единомышленниками, находились въ это время позитивно и molto полноценнѣ и радостно еї приветствовали. Подъ флагомъ марксизма уѣхѣ имѣли, совсѣмъ не пролетарскіи тенденции. Такъ называемыи легальній марксизмъ въ рукахъ г. П. Струве, М. Туган-Барановскаго и

